

СТИХИ И БАСНЯ. ДАРЬЯ ПАНТЕЛЕЕВА

Пацаны

Все с детства знали, кто такие пацаны.
Среди "китаек" и пятиэтажек
шли двор на двор в предчувствии войны
с оружием из старых деревяшек.
Честь пацана воздвигла монумент
политике кровавых девяностых.
И тут произошел ресентимент,
пророщенный в нарывах и коростах.
Так в нулевых они, попав в наряд,
безмолвно выполняли все приказы.
Потом пошли мочить в сортире всех подряд,
вставать с колен и получать заказы.
Теперь всё чаще речи пацанов
транслируются нам с телеэкранов,
а принципы "бей первым", "будь готов"
укутывают трупы в целлофаны.
За свой базар в ответе пацаны,
им лишь бы в "слабый мир" сильнее плюнуть.
Вот только нет уж больше той страны,
в которой многие из них учились думать.
Но продолжают двигать время вспять
усилиями пацанов намного младше.

Их учат и стрелять, и убивать
без права жить, без права на демарши.

Родинки

Я люблю твои родинки целовать,
согреть их губами нежно,
прикасаюсь щекой своей, и ласкать,
и ладонью нескромно чуть прикрывать,
и водить по ним носом неспешно...
Я люблю эти родинки, глупо скрывать,
ведь любовь эта неизбежна.
Даже помню на ощупь все до одной,
расстояние между каждой.
Они видели прошлый мир. Мир стал другой-
перекроенный болью и глупой войной,
где приходится жить отважно,
омывая всё прошлое чистой слезой,
лишь бы не было слишком страшно.
Я люблю твои родинки, каждый день
заливая своими слезами.
Да, на них отпечаток добра и тень
эмиграции. Жизнь набекрень.
А они тихо ждут ночами
поцелуя и ласки, как будто мишень,
ожидающая выстрел губами.

Шагаю по лезвию

Шагаю по лезвию топора,
разрубающего внутри на до и недавнее после,
где двухдневный младенец в страхе ищет немного добра,
наблюдая за мертвыми на погосте.
Я стараюсь идти по линии, где сегодня убило вчера,
в попытках найти свою душу в несвежем компосте.
Самовыученная на принципах Кейджа, Леннона, Бойса,
бесконечно разглядываю отрезок в жизнь человека.
Есть в этом что-то от зрелого Джойса,
правда Улисс теперь бесправный калека.
Ему, как и мне, говорили "Никогда не бойся. "
С тех пор прошло уже больше века.
Забываю дышать во сне в это время суток -
нескончаемо-тёмное, злое и до боли жестокое.
Среди выдуманных слов и безнравственных проституток
сложно заметить настоящее, многоокоое,
случайно не угодив в бессовестный промежуток
борьбы за мнение, далеко не всегда глубокое.

Сколько их было?

Атомный взрыв внутри мировой аорты
оставляет тени ещё не рождённых детей.
Сколько их было таких людей,
брошенных в жизнь и в потоки прекрасных идей,
теперь заполняющих вокзалы и аэропорты,
без злобы, без деления на стороны,
с остатками совести или без
причинно-следственных связей? Наотрез
отказывающихся от своей прошлой жизни, где соль-дизел
сравнивает себя с ля-бемолем и делит поровну
сущность вещей, не имеющих смысла совсем.
Сколько таких беспризорных, родившихся между цифрами восемьдесят пять и
девяносто три,
ощущающих нечто чужое внутри,
привыкающих к потоку страшных систем,
не желая сдохнуть в чужой крови?

Мне выпало родиться

Мне выпало родиться в двуглавой империи,
ненасытной, размножающей свои аппетиты
на всё, что не так в её новой серии.
Такие как я для неё паразиты.

Империя душит, даже если сбежал,
даёт пощечины за твои протесты
и гордо вещает, что принадлежал
к её величеству дед твой (да и какая в принципе разница, ведь все мы в ней из одного
теста.)

Империя в детстве поставила дерзко
порядковый номер на две ягодицы
и в школе прилежно твердила так ласково-мерзко
про наше величие в мире. Как тут не смириться.

Империя всем показала убого,
что вовсе она не Империя больше.
Крича о бесчестье, рыдала, взывала
к пророчествам Бога,
хваталась за массы, чтоб выжить законно и править подольше.

Империя вместе с тобой, а ты с ней
идете бок о бок, не видя границы.
Выкорчевывать её из себя намного больней,
Чем просто заткнуться и с ней согласиться.

Мы спрячемся

Мы спрячемся между строчек
ото всех и от их желаний.
Не может быть жирных точек
в полудреме воспоминаний.
Ты будешь в моей футболке
сидеть перед звездной ночью,
как будто в прозрачном шелке,
увидю тебя воочию.
Мы спрячемся на бумаге
и в буквах в моём блокноте,

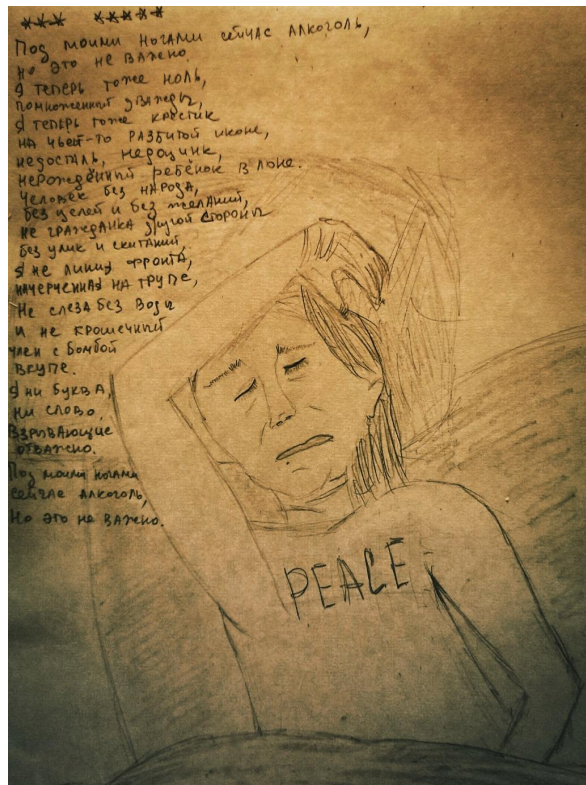
в любом не трехцветном флаге, в
причудливой каждой ноте.
Мы спрячемся так открыто, что нас не найдут однажды.
Любовью безмерно сыты,
пока все кричат от жажды.

Государство двоих

Государство двоих
превращает наш сон в бесконечность.
Из желаний людских
мы лелеем в нем странную вечность.
В отраженье твоём
нахожу я последнюю фазу,
где мы только вдвоём
произносим волшебную фразу.
В государство двоих
не проникнут чужие особы.
Этот мир не для них,
проиграли давно свои пробы.
Как в китайской стене
замурованы наши обломки,
на коралловом дне
обнаружат их позже потомки.
С государством двоих
не разнимут ни горе, ни беды.
Здесь для местных немых
мы ведем основные беседы.

Слова

Недосказанность в сознании-
много знаков
для смертей и для венчания
полумраков.
В ритмах тихого дыхания
есть надежда
на глубокое молчание
без одежды.
В редких гласных много верного,
как минуты,
А в согласных достоверного
только смута.
Лишних слов, невольно сказанных,
слишком много.
На земле таких помазанных
судят строго .

Корова и соловей

На большой поляне возле леса
по утрам паслось коровье стадо.

И корова, ради интереса,
изучив политику, как надо,
вдруг решила, что сама политик,
побрела в поселок придорожный.

Проживал в нём лучший аналитик,
разъяснял всем, что нельзя, как можно.

Здесь корова стала депутатом,
представляла обществу посёлок,
окружив себя надёжным штатом,
привела в него знакомых телок.

Создавая аппарат умелый,
во главе поставила барана,
был он добрый и немного смелый,
хоть полез в политику так рано.

Конкурентов умная корова
отправляла в кабинет к гадюке.

Там гадюка мучила иного
и спокойно умывала руки.

Был большой в корове недостаток -

говорить красиво не умела.
Получив внушительный достаток,
соловья нанять она хотела.
Он был умный честный аналитик,
факты мерил просто и доступно,
а отец его - известный критик
мыслил четко, образно и крупно.
Поразмыслив, хитрая корова
пригласила соловья на ужин,
красноречья изучив основы,
говорила, как он был ей нужен.
Предлагала много разных сделок,
обещала лучшую зарплату.
Но её расчёт казался мелок,
соловей просил другую плату.
“Чтоб достичь большого результата,
вам придется увольнять гадюку,
и для укрепления аппарата
приложить к ее отставке руку.
Вам барана отстранить от дела
не мешало бы как можно раньше.
А своих подруг гоните смело,
вам карьере делать нужно дальше.”
Тут корова вмиг предположила,
что её сместить решила птица.
И поспешно встречу отложила,
и пошла одна в тоске томиться...
Размышлять корове было сложно,
родилась она в стране советов.
И решенья были бы возможны,
обеспечь корова соцпакетом
всех полезных новых депутатов,
но в казне финансов стало мало,
и в стране уж развелось Сократов
два десятка, производство встало.
Пошатнулось имя депутата,
партия разваливалась с треском.
На глазах у пролетариата
соловей разоблачил корову с блеском.
Подружиться гордая корова
не хотела, много было чести.
Но держала твердо она слово
Перед обществом, боялась кровной мести.
Наступили выборы. Корова
с аппаратом мигом провалилась.
Соловей держал теперь уж слово,
а корова злилась все и злилась.
Не смогла она чинить расправу,

не хватило умного совета.
И корова выпила отраву
на глазах у западного света.
Так коровья партия распалась,
все подруги в бедности остались.
А гадюка с мафией связалась,
над бараном все ослы смялись.
Если вы решили, что политик,
и готовы лучшего добиться,
то вам в помощь нужен самокритик,
чтоб потом и родиной гордиться.